

ственной его величества канцеляріи о происшедшемъ случаѣ. Обоянскому земскому исправнику и приставу, въ станѣ котораго находилась деревня Абриколева, предписано было: «находиться въ совершенномъ повиновеніи по дѣламъ службы жандармскому штабъ-офицеру». Съ своей стороны курскій губернскій почтмейстеръ далъ приказаніе обоянской почтовой конторѣ, «чтобы она задержала до времени всѣ партикулярныя письма изъ царства Польскаго къ кому либо въ Обоянскій уѣздъ, равно какъ и корреспонденцію, отправляемую изъ уѣзда въ царство». Драгневичъ прикатилъ въ Обоянъ 17-го ноября. Чтобы успѣшнѣе совершить предстоявшее ему дѣло и ориентироваться въ библіотекѣ подозрѣваемой помѣщицы, онъ захватилъ съ собою шесть списковъ 1843 года о запрещенныхъ комитетомъ цензуры иностранной для публики книгахъ. Въ Обояни, жандармскій полковникъ видѣлся съ уѣзднымъ предводителемъ дворянства, который, согласно отношенію губернскаго предводителя долженъ былъ присутствовать въ имѣніи Византиновой, при производствѣ слѣдствія. Драгневичъ сообщилъ обоянскому предводителю, планъ дѣйствій своихъ, который, по словамъ полковника, удостоился одобренія генерала Монтрезора. Планъ этотъ понравился обоянскому предводителю и по мнѣнію его—онъ ручался за успѣхъ.

18-го ноября, Драгневичъ, уѣздный предводитель и становой приставъ, на тройкѣ борзыхъ коней выѣхали изъ Обояни... Грязь была невылазная. Но такъ какъ Абриколева недалеко отстояла отъ Обояни, то непрошеные гости успѣли засвѣтло пріѣхать въ имѣніе Византиновой. Звонъ колокольчика раздался подъ окнами помѣщичьяго дома. Выбѣжали слуги и ввели въ комнаты пріѣхавшихъ. Ихъ приняла мать Византиновой, женщина, достигшая столѣтняго возраста; но, по отзыву обоянскаго предводителя, «бодрая и всѣмъ извѣстная по ея благородному образу мыслей и отличнымъ качествамъ души»...

Гости пожелали видѣть дочь старухи Византиновой.

— Она больна, былъ отвѣтъ матери.

— Но дома?

— Да.

Полковникъ и предводитель направились во внутренніе покои... Тамъ они нашли Византинову, которую запяtnалъ безымянный доносъ. Эта женщина сидѣла въ креслѣ... Взоръ ея выражалъ страданіе. Говорила она тихо и невнятно.

— Вотъ уже второй годъ моя дочь,—объяснила старуха Византинова,—мучится отъ водяной болѣзни... И ни днемъ, ни ночью, не можетъ лечь въ постель... сейчасъ зайдетъ, если ляжетъ.

Драгневичъ и предводитель не сказали Византиновой, съ какою цѣлью они пожаловали. Полковникъ не былъ одѣтъ въ форменное платье. Онъ сказался помѣщикомъ... и послѣ свиданія съ больною,